

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF COUNTERACTING CRIME

Научная статья

УДК 343.9; 34.07

EDN QQUBJC

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).96-105

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ЮЖНОЙ КОРЕИ В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОБАЦИИ

А.Ф. Реховский¹, Т.В. Филоненко²

¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

² Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

20 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать

28 февраля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

22 марта 2024 г.

Ключевые слова

Пробационная система;
закон о пробации в России;
реабилитационные программы;
корейская пробационная система;
электронный мониторинг;
рецидивная преступность

Аннотация. В настоящей статье обсуждаются возможности и проблемы внедрения пробационной системы в России с опорой на Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», принятый в 2023 г. Отмечается, что данный закон имеет рамочный характер и требует разработки детальной нормативной базы для его полноценного функционирования с начала 2024 г. Авторы предлагают стратегии реализации данного закона, включающие эффективную коммуникацию и координацию между заинтересованными сторонами, обучающие программы, привлечение волонтеров и некоммерческих организаций. В исследовании проводится сравнительный анализ российской пробационной практики с корейской пробационной системой, признанной одной из самых передовых в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Эта система представляет собой сложную структуру, включающую профессиональных и добровольных сотрудников, различные реабилитационные программы и службы поддержки правонарушителей. Освещаются проблемы, с которыми сталкивается корейская система пробации, включая урбанизацию, экономический кризис, старение населения и нехватку ресурсов. Авторы акцентируют внимание на уроках, которые можно извлечь из опыта Южной Кореи, особенно на потенциальных преимуществах электронного мониторинга, духовного просвещения и других аспектах пробации. Исследование показывает, что активное участие добровольных помощников способствует успешной реабилитации и реинтеграции правонарушителей. Подчеркивается важность целостного подхода к пробации, учитывающего не только личные особенности правонарушителя, но и его взаимоотношения с обществом. Отмечается, что применение элементов корейской системы пробации, таких как привлечение волонтеров к реализации программ ресоциализации правонарушителей, а также акцент на вовлеченность общества могут повысить эффективность системы пробации в России. Указывается на важность изучения и применения международного опыта в области пробации, а также на необходимость ознакомления с документами ООН и Совета Европы и совершенствования учета показателей рецидивной преступности в России.

Original article

USING THE EXPERIENCE OF SOUTH KOREA IN THE ESTABLISHMENT OF THE PROBATION SYSTEM IN RUSSIA

Alexander F. Rekhovskiy¹, Tatiana V. Filonenko²

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, the Russian Federation

² Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, the Russian Federation

Article info

Received

2023 December 20

Accepted

2024 February 28

Abstract. In this article, the authors discuss the opportunities and challenges of implementing a probation system in Russia based on the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" adopted in 2023. It is noted that this law has a framework character and requires the development of a detailed regulatory framework for its full-fledged functioning from the beginning of 2024. The authors propose strategies for implementing the law, which include effective communication and coordination between stakeholders, training programs, the involvement of volunteers and non-

Available online
2024 March 22

Keywords

Probation system; new probation law in Russia; rehabilitation programs; Korean probation system; electronic monitoring; recidivism

profit organizations. The article provides a comparative analysis of Russian probation practices and the Korean probation system, which is recognized as one of the most advanced among APR countries. This system has a complex structure, it includes professional and volunteer staff, various rehabilitation programs and offender support services. The challenges facing the Korean probation system are highlighted, including urbanization, an economic crisis, an ageing population and a lack of resources. The authors emphasize the lessons that can be learned from the South Korean experience, especially the potential benefits of electronic monitoring, spiritual education and other aspects of probation. The study shows that the active participation of volunteers contributes to the successful rehabilitation and reintegration of offenders. The importance of a holistic approach to probation is emphasized, as it takes into account not only the offender's personal characteristics but also his or her relationship with the community. The authors stress that certain elements of the Korean probation system, such as the involvement of volunteers in the implementation of offender re-socialization programs, as well as the emphasis on community involvement can heighten the effectiveness of the probation system in Russia. The article underscores the importance of studying and applying international experience in the field of probation, as well as the need to study UN and Council of Europe documents and improve the system of recording recidivism rates in Russia.

По результатам последних криминологических исследований, ориентированных на анализ показателей рецидивизма на международном уровне в 33 странах за шесть лет, повторные обвинительные приговоры составляют от 18 до 55 % для освобожденных заключенных и от 10 до 47 % для лиц, приговоренных к общественному наказанию [1]. Данные показатели свидетельствуют о высоком уровне преступного рецидива в мире. Для России предупреждение рецидива преступлений является весьма актуальной проблемой.

В России принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 6 октября 2023 г. № 10-ФЗ (далее — Закон)¹. Он определяет цели, задачи и принципы пробации, правовое положение лиц, в отношении которых применяется пробация, направления деятельности и полномочия субъектов пробации в Российской Федерации.

Принятие Закона позволит создать новую систему работы с осужденными и освобожденными лицами, которая будет направлена на социальную реабилитацию и профилактические меры [2, с. 202]. Основным инструментом пробации должна стать индивидуальная программа ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации с мерами, применяемыми к конкретному лицу в зависимости от обстоятельств и характеристик его личности.

К формированию этого института и его законодательному закреплению наша страна шла

¹ О пробации в Российской Федерации : федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

очень долго. Несмотря на то, что институт пробации существует за рубежом почти 200 лет и положительно зарекомендовал себя с точки зрения эффективности борьбы с рецидивной преступностью, в США пробация была названа «неиспользованным ресурсом» для содействия социальной реинтеграции правонарушителей [3], а в отечественной правовой системе этот институт никогда ранее не применялся. Мы солидарны с мнением В.А. Уткина о том, что создание действенного механизма ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы — важное условие повышения эффективности исправительных учреждений, а несовершенство постпенитенциарной адаптации бывших заключенных во многом способствует сохранению в стране относительно высокого уровня рецидивной преступности [4, с. 45].

Во многих западных странах пробация играет важную роль в реформе уголовного правосудия, являясь альтернативой тюремному заключению. Ее цель — реинтеграция правонарушителей в общество и снижение уровня рецидивизма, экономия ресурсов и укрепление стабильности общества. Несмотря на сложную динамику, связанную с внедрением такой системы, ее преимущества для России могут быть весьма значительными.

Термин «пробация» означает осуществление социально-правовых мер воздействия, предусмотренных законом и назначенных тому или иному правонарушителю. Это может включать широкий спектр мероприятий и мер воспитательного воздействия, таких как надзор, контроль и оказание помощи с целью социальной

интеграции правонарушителя, а также обеспечения общественной безопасности².

Развитие системы пробации было частью Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р), направленной на совершенствование правовых, организационных и иных условий деятельности уголовно-исполнительных инспекций и содействие постпенитенциарной адаптации осужденных через службу пробации. Однако, несмотря на значительный интерес практиков и ученых к службе пробации в период с 2010 по 2020 г., она не была интегрирована в структуру уголовно-исполнительной системы [5].

Вместе с тем законодательное введение пробации в правовое поле России еще не говорит о том, что мы получим все преимущества службы пробации. Дело в том, что упомянутый выше Закон имеет рамочный характер. Эффективность принятого Закона будет зависеть от множества факторов. В первую очередь от того, какие нормы, соответствующие данному Закону, будут внесены в уже действующее законодательство.

Основными субъектами процесса пробации, исходя из контекста Закона, являются уголовно-исполнительная система и ее подразделения, прежде всего уголовно-исполнительные инспекции. Именно эти структуры отвечают за проведение реальных мероприятий по ресоциализации. Другими участниками пробации могут быть органы местного самоуправления, волонтеры, некоммерческие организации, общественно-консультативные советы. Федеральные органы исполнительной власти, региональные власти и органы местного самоуправления также играют свою роль в системе пробации, но их функции носят скорее нормативно-организационный характер, чем непосредственно исполнительский.

В настоящее время российская уголовно-исполнительная система перегружена обязанностями, а кадровый дефицит оценивается в 35–45 %. Введение Закона увеличивает нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительной системы, что требует дополнительного финансирования и расширения штата персонала. По оценке Министерства юстиции РФ, служба пробации

² Вводное руководство по вопросам предупреждения рецидивизма и социальной реинтеграции правонарушителей / Организация Объединенный Наций. Вена, 2019. 147 с. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/V1802305_-_R.pdf.

потребуется задействования порядка 50 тыс. сотрудников, обладающих навыками в области социального обслуживания и психологии [6].

Нам представляется, что для более точного определения ролей и обязанностей участников процесса пробации можно предпринять ряд мер:

1. Необходимо разработать подробную нормативную базу, в которой будут ясно прописаны функции и обязанности участников процесса пробации. Эта база должна содержать конкретные указания по задачам, функциям и обязанностям каждого участника процесса пробации.

2. Эффективная коммуникация и координация между участниками системы пробации имеют решающее значение для обеспечения четкого распределения ролей и обязанностей. Регулярные встречи, совместные программы обучения и платформы для обмена информацией могут способствовать сотрудничеству и взаимопониманию между участниками процесса пробации.

3. Строгое распределение задач между субъектами пробации поможет обеспечить эффективное использование ресурсов. Этого можно достичь путем разработки алгоритмов, определяющих конкретные обязанности каждого участника на различных этапах процесса пробации.

4. Для повышения уровня знаний и навыков участников процесса пробации необходимо проводить для них обучающие мероприятия по юридическим аспектам, ведению дел, оценке рисков и стратегиям вмешательства. Наличие у сотрудников службы пробации необходимых специальных знаний и дополнительных навыков повысит эффективность выполнения ими своих функций и обязанностей.

5. Привлечение волонтеров и общественных организаций к реализации программ социальной реабилитации правонарушителей может способствовать развитию самого института пробации. Волонтеры могут оказывать поддержку и помощь сотрудникам службы пробации, что потенциально приведет к снижению их рабочей нагрузки и повышению эффективности программ пробации. С этой целью необходимо разработать четкие инструкции и протоколы, определяющие роли и обязанности волонтеров и общественных организаций, привлекаемых к работе с правонарушителями.

Представляется, что реализация этих мер позволит более четко разграничить роли и обязанности участников процесса пробации, что в конечном итоге приведет к повышению эффек-

тивности и результативности системы пробации в целом.

Предполагается, что для создания службы или системы пробации в России целесообразно применять рекомендации, стандарты и руководства, которые разработали такие международные организации, как ООН и Совет Европы. В частности, в январе 2010 г. Комитет министров государств — членов Совета Европы принял «Правила Совета Европы о пробации», что позволило определить основные понятия и принципы пробации³. Стоит отметить, что международные стандарты и рекомендации могут быть неодинаковыми для разных стран и регионов, и их применение может зависеть от специфических законодательных и административных требований, а также от международной ситуации.

Кроме того, представляется интересным опыт создания и функционирования систем пробации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), о котором ранее нам было мало известно, в частности опыт Южной Кореи.

Обобщенно пробация за рубежом представляет собой особую форму контроля в отношении сравнительно менее опасных преступников, в условиях оставления их на свободе, соединенную с оказанием необходимой помощи социально-психологического и правового характера [7, с. 118]. Однако термин «пробация» в различных правовых системах употребляется в разных смыслах, и это замечание очень важно методологически для понимания сути национальных реабилитационных программ.

Темы преступности и уголовного правосудия в Южной Кореи все еще остаются относительно малоизвестными мировому сообществу. Большинство опубликованных сравнительно-правовых исследований в области криминологии и уголовного правосудия были основаны на трудах западноевропейских или американских ученых. Мы солидарны с высказыванием Н. Жоо: «Нет уверенности в том, что эмпирические выводы, полученные в западных обществах, могут быть непосредственно применены к незападным азиатским странам, имеющим иные ценности, культуру и социальную структуру» [8]. Успехи Южной Кореи в создании системы пробации ставят ее в группу стран АТР, занимающих лидирующие позиции в этой сфере.

³ Recommendation CM/Rec of the Committee of Ministers to member states on the Council of Europe Probation Rules : Adopted by the Committee of Ministers on 20 January 2010 at the 1075th meeting of the Ministers' Deputies.

Данная статья расширяет рамки предыдущих исследований, основанных на западном опыте, и посвящена некоторым вопросам предупреждения рецидива в Южной Кореи с использованием собранных там эмпирических данных и анализа современного законодательства: в этом контексте она является первой в России научной работой в заявленной тематике.

В 1953 г., после войны на Корейском полуострове, Южная Корея была принята в ООН, став вторым беднейшим государством в этой организации. Не имея особых перспектив, страна начала заново осваивать демократическую политическую систему, поддерживать предпринимательство, восстанавливать все свои институты и к концу XX в. быстро и уверенно вышла на первый уровень мировой экономики. Этой удивительной траектории способствовало, при соблюдении собственных исторических традиций, заимствование перспективных практик и инноваций у Запада, в первую очередь у США, которые сохраняли огромное военное, дипломатическое и экономическое влияние. За годы, прошедшие после перемирия, в Южной Кореи была проведена реорганизация всей системы государственного управления, включая систему уголовного правосудия. Но служба пробации Южной Кореи была создана не по американскому образцу. За основу была взята система хорошо зарекомендовавших себя английских и валлийских пробационных служб.

Система пробации в Южной Кореи была создана в 1989 г., и ее деятельность осуществляется под руководством Бюро политики предупреждения преступности (СРПВ). В состав бюро входят шесть отделов и более 90 аффилированных организаций, призванных решать задачи системы пробации, условно-досрочного освобождения и предотвращения правонарушений в стране.

История системы пробации в Южной Кореи (Республика Корея) может быть разделена на четыре этапа, которые заняли почти четыре десятилетия и включали значительные системные изменения и формирование новой этической концепции работы с правонарушителями [9].

На первом этапе (1980–1990-е гг.) происходило внедрение национальной системы пробации и ее развитие. В 1988 г. в Южной Кореи был принят закон о пробации, ставший первым в своем роде, а в следующем году корейские службы пробации были представлены как официальная ветвь системы уголовного правосудия. Вначале

служба пробации занималась главным образом сопровождением тех лиц, кому было назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы, и предварительным расследованием дел несовершеннолетних правонарушителей, а также курировала открытие 22 агентств пробации по всей стране. Через несколько лет, в 1994 г., система пробации была распространена на лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности, а в 1995 г. была создана электронная система управления условно осужденными (MSPP), позволяющая следить за правонарушителями. В 1997 г. система пробации была распространена на взрослых правонарушителей, а в 1998 г. — на правонарушителей, совершивших бытовое насилие.

Второй этап (2000-е гг.) был связан с системной институционализацией службы пробации. Различные структуры, созданные на первом этапе, были усовершенствованы, а некоторые внедрены впервые. Усилилась борьба с преступлениями на сексуальной почве: в 2004 г. введено условное осуждение преступников, занимающихся торговлей людьми, а в 2005 г. создана первая в Южной Корее «школа джон» для исправления правонарушителей, вовлеченных в проституцию. В 2008 г. вводятся система голосового контроля за соблюдением комендантского часа, система электронного мониторинга (для лиц, совершивших преступления на сексуальной почве), а также особая процедура расследования до вынесения приговора в отношении взрослых правонарушителей, подпадающих под действие закона о пробации. Наконец, в 2009 г. введено наказание в виде общественных работ за неуплату штрафов.

На третьем этапе (2010-е гг.) основное внимание уделялось обязательной реабилитации правонарушителей, а также выстраиванию системы управления в сфере уголовного правосудия. В 2010 г. расширена система электронного мониторинга для регистрации и отслеживания преступников, совершивших убийства и преступления на сексуальной почве. В 2011 г. введена фармакотерапия для контроля поведения преступников, склонных к сексуальному насилию, а также программа лечения для таких лиц. С целью предотвращения рецидива преступлений в 2013 г. появляется институт обязательного надзора за лицами после отбытия наказания, в этом же году внедряется Национальная система содействия общественным работам. Кроме того, в 2014 г. электронный мониторинг был

распространен на лиц, совершивших грабеж. Важное структурное изменение произошло в 2015 г., когда в состав СРПВ при Министерстве юстиции включили Отдел по борьбе с особыми преступлениями, что способствовало дальнейшей институционализации службы пробации. Также были усовершенствованы программы терапии для преступников и система электронного мониторинга.

На четвертом этапе (с 2020-х гг. по настоящее время) в системе пробации произошли лишь некоторые изменения. В 2020 г. Отдел по работе с особыми преступлениями был переименован в Отдел электронного мониторинга. Одновременно с этим была добавлена система «электронного мониторинга под залог», и теперь электронный мониторинг обязателен для всех лиц, освобожденных условно-досрочно.

Министерство юстиции Южной Кореи называет свою службу пробации и условно-досрочного освобождения «центром уголовного правосудия в XXI веке» [8]. СРПВ является основной организацией, осуществляющей надзор за службами пробации в Южной Корее. В его задачи входит управление всеми видами деятельности, включая пробацию, общественные работы, предварительное расследование, электронный мониторинг, фармакологическое лечение лиц, склонных к совершению преступлений против половой свободы личности, и выдачу направлений на посещение программ лечения для освобожденных преступников.

Пробация (보호관찰/保護觀察, 집행유예/執行猶豫) в уголовном праве Южной Кореи — это период надзора за правонарушителем, назначаемый судом вместо отбывания срока в тюрьме. В целом пробация включает в себя надзор за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, а в некоторых случаях также — условное осуждение или отсрочку исполнения приговора⁴.

Пробация в Республике Корея выполняет две основные функции: защита общества путем наблюдения за правонарушителем и помощь правонарушителю в ведении законопослушного образа жизни. Закон о пробации⁵ включает в себя эти две функции и не игнорирует ни одну из них. Изначально пробация, характеризующаяся

⁴ Probation // KoreanLII. URL: <http://www.koreanlii.or.kr/w/index.php/Probation?kattempt=1>.

⁵ Act on probation : Enforcement Date 21. Jan, 2022. (Act No.18299, 20. Jul, 2021., Partial Amendment). URL: www.law.go.kr.

как «мягкое» право, развивалась на основе закона о несовершеннолетних. При этом главное внимание уделялось надзору за условно осужденными, чтобы защитить обычных граждан и общество в целом. Однако сейчас официальная позиция в отношении probation такова: во-первых, последняя рассматривается как помощь правонарушителю в социальной реабилитации; во-вторых, probation не должна склоняться к жестким санкциям против правонарушителя в целях защиты общества. По мнению экспертов, жесткая probation (представленная в виде надзора (испытательного срока) после окончания исполнения наказания) часто оказывается нежелательной и неэффективной, в то время как основные надежды возлагаются на разнообразные программы социальной реабилитации правонарушителей, как это делается в США [10].

В ст. 1 Закона о probation определяется следующая цель: «Целью настоящего закона является обучение и помощь преступникам, которые нуждаются в систематической социальной реабилитации, например, в probation для правонарушителей, которым нужно систематическое взаимодействие с обществом, что выражается в условном осуждении, общественных работах, прохождении обучения и лечения, для предотвращения рецидивизма, здоровой реабилитации правонарушителей в обществе, содействия благосостоянию людей и общества, защиты общества, эффективной деятельности по предупреждению преступлений»⁶.

В ст. 2 (Сотрудничество граждан) закреплено положение о том, что «все граждане сотрудничают для достижения целей, предусмотренных статьей 1, в соответствии со своим статусом и возможностями»⁷.

По данным Министерства юстиции Южной Кореи, probationеры делятся на три уровня в зависимости от их оценки по риску повторного рецидива: правонарушители с высоким уровнем риска, со средним и низким уровнем риска. Частота контактов сотрудника службы probation с правонарушителем из группы высокого риска составляет не менее четырех раз в месяц в течение 90 дней с момента установления уровня риска, а через три месяца встречи с правонарушителем должны проводиться два раза в месяц. От условно осужденных требуется соблюдение

⁶ Act on probation : Enforcement Date 21. Jan, 2022. (Act No.18299, 20. Jul, 2021., Partial Amendment). URL: www.law.go.kr.

⁷ Там же.

определенных условий, таких как проживание в определенном районе, наличие работы, отказ от вредных привычек, приводящих к совершению преступлений, а также соблюдение указаний со стороны сотрудников службы probation⁸.

Количество дел о probation в Корею составляло 8 389 в 1989 г., резко возросло до 100 988 в 1997 г., а потом до 212 940 в 2019 г., т.е. увеличилось более чем в 25 раз за 30 лет. Численность сотрудников службы probation в 1989 г. составляла 230 чел., а на конец 2019 г. — 1 592 чел. В среднем за каждым сотрудником службы probation закреплено 112 чел., находящихся на испытательном сроке, однако нагрузка на probationеров в городах выше [11].

Сфера применения probation в Южной Корею неуклонно расширяется, ее рассматривают как эффективное средство при обсуждении новых мер уголовной политики, что свидетельствует о высоких ожиданиях от данной службы. Целью probation является обучение, забота и помощь преступникам, которые нуждаются в систематической адаптации в обществе, через эффективные меры предотвращения преступлений. Однако на сегодняшний день нуждаются в пересмотре категории, используемые в законодательстве о probation. Дело в том, что в Корею существует дуалистическая система уголовных санкций, одной из целей которых является адаптация правонарушителя в обществе, т.е. probation (probationный надзор, испытательный срок) может выступать и как отдельная уголовная санкция по отдельным категориям дел, и как система мероприятий по адаптации преступника в обществе [12].

Кроме этого, текущая система probation имеет и другие слабые стороны. В частности, она не делает различий между «мягким» и «строгим» испытательным сроком (probationным надзором), используя расплывчатую терминологию, а также не разделяет несовершеннолетних и совершеннолетних правонарушителей. Все это создает сложности для сотрудников службы probation при осуществлении надзора [13].

Большинство добровольцев (волонтеров), задействованных в probationном надзоре, являются представителями коммерческого и корпоративного секторов экономики (только 1 % из них относятся к категории «педагогов-пенсионеров»). Это говорит о том, что профиль

⁸ Ministry of Justice. Crime Prevention Policy Bureau. URL: http://www.moj.go.kr/cppb_eng/3318/subview.do.

добровольцев в Южной Корее более городской, современный и молодой.

Однако проблема старения «ветеранов-добровольцев» и нехватки молодых кадров характерна и для Южной Кореи. Опрос членов волонтерских комитетов по предотвращению преступлений, проведенный Министерством юстиции, показал, что 74 % волонтеров — это люди в возрасте от 40 до 59 лет, а 15,5 % — лица старше 60 лет. Это свидетельствует о том, что волонтеры в Южной Корее значительно старше своих подопечных [14].

К числу проблем, с которыми сталкиваются сотрудники службы пробации в Южной Корее, относятся вопросы подбора и обучения персонала, высокая рабочая нагрузка, а также необходимость адаптироваться к изменениям в основных целях и философских подходах. При приеме на работу сотрудников службы пробации в первую очередь проверяется знание законодательства, что затрудняет набор лиц, обладающих соответствующими навыками и предметной специализацией (например, в сфере социальной работы) для работы с правонарушителями. Вновь принятые на работу сотрудники службы пробации часто не имеют базового представления о поведении правонарушителей и с трудом адаптируются к своей работе, что приводит к повышенной текучести кадров по сравнению с другими областями профессиональной государственной службы. Кроме того, сотрудники службы пробации в крупных городах должны осуществлять надзор за большим количеством правонарушителей, что приводит к серьезной нагрузке и продолжительному рабочему дню [15].

Перспективным направлением снижения рецидивной преступности является духовное просвещение и вовлечение в религиозную деятельность. В Южной Корее была создана первая в Азии частная тюрьма, построенная и эксплуатируемая церковной организацией, которая уже имеет десятилетний опыт работы и демонстрирует значительное снижение рецидивной преступности. Предварительный анализ показывает, что трехлетний уровень рецидивизма (повторного заключения) составляет около 10 % по сравнению с примерно 23 % в аналогичных корейских тюрьмах [16].

Для западного мировоззрения идея строительства и эксплуатации частной тюрьмы церковной организацией, санкционированной правительством, может показаться странной и

неприемлемой. Однако корейское христианство насчитывает четырехвековую историю, а с момента окончания Второй мировой войны протестантское христианство играет заметную роль в общественной жизни, несмотря на то, что южнокорейцы в большинстве своем не имеют собственной исторической религии, а буддизм и католицизм составляют значительное меньшинство [17]. Представляется интересным философский взгляд А.М. Иванова и А.Г. Корчагина на значение религиозных обрядов: «В народной практике религиозный ритуал не столько выражает представление о мире, сколько выполняет компенсаторную функцию, выступая как средство решения практических проблем повседневного существования. Отсюда можно сделать такой вывод: в практических целях предотвращения преступности необходимо способствовать возрождению лучших народных традиций, обычаев и обрядов» [18, с. 74–75].

Но самые выдающиеся результаты пробационной деятельности в Южной Корее получены в сфере электронного мониторинга (далее — ЭМ) пробационеров.

Идея о том, что ЭМ может быть включен в реабилитационные меры как полезная форма контроля, была поддержана на раннем этапе формирования пробации, даже если, в основном по причинам политической легитимности, он публично характеризовался как «наказание» [19, с. 236].

В Южной Корее действует Закон об электронном мониторинге (Act on electronic monitoring), который был введен в 2008 г.⁹ с целью расширения применения испытательного срока без содержания под стражей, облегчения реабилитации преступников и защиты населения от преступлений. Этот закон предусматривает использование электронных устройств для отслеживания местоположения осужденных, включая устройства, устанавливаемые в месте жительства осужденного, и браслеты на лодыжке. Система ЭМ в Южной Корее предназначена для усиленного надзора за осужденными и эффективно снижает рецидив преступлений¹⁰.

ЭМ применим по четырем видам преступлений (преступления против половой свободы

⁹ Act on electronic monitoring : Enforcement Date 05. Jul, 2022. (Act No.18678, 04. Jan, 2022., Amendment by Other Act). URL: www.law.go.kr.

¹⁰ The Recent Development in Korean Electronic Monitoring. URL: <https://www.cep-probation.org/the-recent-development-in-korean-electronic-monitoring>.

личности, похищение, убийство и ограбление) и трем видам приговоров — условное осуждение, надзор после освобождения (после завершения тюремного заключения) и условно-досрочное освобождение.

Министерство юстиции Кореи заявляет, что корейская система ЭМ эффективно сокращает количество повторных преступлений сексуального характера по сравнению с правонарушителями, которые не находились под электронным наблюдением. Официальный уровень рецидива у лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, по данным корейского ЭМ, имеет стабильный показатель (около 2 %) в течение последних десяти лет¹¹.

Влиянию ЭМ на снижение рецидивной преступности было посвящено исследование Н. Min Kyung, автор которого в своей книге «The Effectiveness of Electronic Monitoring in Korea» пришел к выводу, что потенциальная роль ЭМ в снижении уровня рецидивной преступности очевидна [20].

Корейская модель ЭМ стала интересным примером и эталоном для многих других стран. Например, представители более 15 стран из Азии и Южной Америки посетили Сеульский центр мониторинга, чтобы наблюдать за его уникальной работой и передовыми технологиями, а Монголия пытается внедрить корейскую систему ЭМ при поддержке корейского правительства¹².

Важным фактором для развития и совершенствования системы пробации в Южной Корее является сотрудничество с международными организациями. Южная Корея сотрудничает с Азиатским и Дальневосточным институтом ООН по предупреждению преступности и обра-

нию с правонарушителями (UNAFEI). Он является одним из сетевых институтов Программы ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (PNI). UNAFEI, старейший институт PNI, внес свой вклад в совершенствование системы уголовного правосудия в развивающихся странах путем проведения учебных курсов и семинаров, распространения политики и стратегии ООН в области предупреждения преступности. За время существования UNAFEI в нем было обучено 119 сотрудников системы пробации Южной Кореи¹³.

Для Южной Кореи характерно особое внимание к индивидуальным обстоятельствам и субъективным факторам при принятии решений в сфере уголовного законодательства. Цель уголовного правосудия — обеспечение принятия справедливых решений, с учетом уникальных аспектов каждого дела, моральных принципов и этических стандартов [21].

И для России, и для Южной Кореи введение и реформирование законодательства о службе пробации отражает стремление к постоянному совершенствованию системы уголовного правосудия. Внедряя инновационные меры и повышая профессионализм сотрудников службы пробации, страны стремятся снизить уровень рецидивной преступности и создать более безопасное и инклюзивное общество.

Стоит отметить, что институт пробации в России только развивается, а, следовательно, опыт стран АТР, в частности Южной Кореи, может быть частично заимствован с целью совершенствования механизма реинтеграции преступников в общество.

¹³ UNAFEI Contributes to the Enhancement of Justice in the International Community // United Nations Asia and Far East Institute for The Prevention of Crime and the Treatment of Offender. URL: https://www.unafei.or.jp/about/pdf/brochure_e_2023.pdf.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Yukhnenko D. Criminal Recidivism Rates Globally: A 6-year Systematic Review Update / D. Yukhnenko, Leen Farouki, Seena Fazel. — DOI 10.1016/j.jcrimjus.2023.102115 // Journal of Criminal Justice. — 2023. — Vol. 88. — P. 102115.
2. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: Some Problems of the Content and Legal Regulation / P.V. Golodov. — DOI 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009 // Penitentiary Science. — 2022. — Vol. 16, № 2 (58). — P. 194–203.
3. MacKenzie D.L. Probation: An Untapped Resource in U.S. Corrections / D.L. MacKenzie // Rethinking Corrections: Rehabilitation, Reentry, and Reintegration / L. Gideon, H.-E. Sung (eds.). — Thousand Oaks, 2010. — P. 97–125.
4. Уткин В.А. Европейские правила о пробации и проблемы их реализации / В.А. Уткин. — EDN OWAEAT // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2012. — № 1 (3). — С. 45–50.
5. Старостин С.А. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития / С.А. Старостин, Н.В. Анискина. — DOI 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010. — EDN LEWAPX // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16, № 2 (58). — С. 204–212.
6. Ткач Н. Как будет работать закон о пробации / Н. Ткач // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20230217/308694787.html.

7. Медетбекова Г.Т. Сравнительный анализ международного опыта исполнения уголовных наказаний / Г.Т. Медетбекова. — EDN SDYTGJ // Право и государство. — 2011. — № 1 (50). — С. 115–125.
8. Joo H. Crime and Criminal Justice in South Korea: Editor's Introduction / H. Joo. — DOI 10.1007/S11417-015-9209-Y // Asian Journal of Criminology. — 2015. — Vol. 10. — P. 1–6.
9. Gough D. Probation in the Republic of Korea: A Compressed Journey to Public Protection / D. Gough // Probation Journal: The Journal of Community and Criminal Justice. — 2011. — Vol. 58, iss. 4. — P. 372–385.
10. 김민이. 보호관찰제도의 강성적 변화에 따른 운용형태에 관한 연구. 2016. [Ким Мин. Исследование формы работы в связи с сильными изменениями в системе probation / Ким Мин. — 2016.].
11. Community Resources in Korean Probation System / P. Junhwi, R. Kwanghyun, P. Heekyun, H. Sinae. — URL: https://www.kicj.re.kr/board.es?mid=a20201000000&bid=0029&tag=&act=view&list_no=12651.
12. 김혁. 보호관찰제도에 관한 체계적 검토 // 법학연구. — 2022. — № 32 (1). — С. 41–75. [Ким Хёк. Систематический обзор системы probation / Ким Хёк // Журнал юридических исследований. — 2022. — № 32 (1). — С. 41–75].
13. 박정일. 사회 내 보안처분으로서 보호관찰의 실효성 제고방안- 보호관찰 특별준수사항을 중심으로 // 고려법학. — 2020. — № 96. — С. 213–255. [Пак Чон Ир. Меры по повышению эффективности probation как меры безопасности в обществе — акцент на особых вопросах соблюдения probation / Пак Чон Ир // Корё Юриспруденция. — 2020. — № 96. — С. 213–255].
14. Ellis T. South Korean Probation: Volunteering and late Onset Crime Control? / T. Ellis, J. Lee, N. Pamment. — DOI 10.1057/cpcs.2013.11 // Crime Prevention and Community Safety. — 2013. — Vol. 15 (4). — P. 292–305.
15. Cho Y., Boo M. A Study on the Job Stress Levels of Probation Officers and Relevant Key Factors of the Job Stress in South Korea / Y. Cho, M. Boo // The Korean Association of Police Science Review. — 2022.
16. Lee S., McCrie R.D. Faith and Fortitude: 10-Year Assessment of Recidivism at a New Church-Based Prison in South Korea / S. Lee, R.D. McCrie // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. — 2023. — Vol. 67 (12). — P. 1163–1192.
17. Kim S.C.H. A History of Korean Christianity Sebastian / S.C.H. Kim, K. Kim. — Cambridge University Press, 2014. — 361 p.
18. Иванов А.М. Некоторые исторические особенности формирования уголовного правосознания в Китае, Корею, Японии / А.М. Иванов, А.Г. Корчагин. — EDN UXXVCX // Теология. Философия. Право. — 2022. — № 2 (18). — С. 57–94.
19. Nellis M. Electronic monitoring and probation practice / M. Nellis // Probation: 12 Essential Questions. — 2016. — P. 217–243.
20. Han, Min Kyung. The Effectiveness of Electronic Monitoring in Korea. (Schriftenreihe Des Max-Planck-Instituts Für Ausländisches Und Internationales Strafrecht K: Kriminologische Forschungsberichte) / Han, Min Kyung. — Berlin: Duncker; Humboldt, 2017. — Vol. 174. — 225 p.
21. Jin W. A Study of the Korean Criminal Hesitation System in the Perspective of Comparative Law / W. Jin, J. Aihua, X. Yikun // SHS Web of Conferences. EDP Sciences, 2023. — Vol. 178. — P. 02009.

REFERENCES

1. Yukhnenko D., Leen Farouki, Seena Fazel. Criminal Recidivism Rates Globally: A 6-Year Systematic Review Update. *Journal of Criminal Justice*, 2023, vol. 88, pp. 102115. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2023.102115.
2. Golodov P.V. Probation in the Russian Federation: Some Problems of the Content and Legal Regulation. *Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 194–203. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.009.
3. MacKenzie D.L. Probation: An Untapped Resource in U.S. Corrections. In Gideon L., Sung H.-E. (eds.). *Rethinking Corrections: Rehabilitation, Reentry, and Reintegration*. Thousand Oaks, 2010. pp. 97–125.
4. Utkin V.A. European Rules of Probation and Problems of Their Realization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2012, no. 1, pp. 45–50. (In Russian). EDN: OWAEAT.
5. Starostin S.A., Aniskina N.V. Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. (In Russian). EDN: LEWAPX. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.010.
6. Tkach N. How the Law on Probation will Work. *Rossiiskoe Agentstvo Pravovoi I Sudebnoi Informatsii*. URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20230217/308694787.html. (In Russian).
7. Medetbekova G.T. A Comparative Analysis of the International Experience of Executing Criminal Penalties. *Pravo i gosudarstvo = Law and State*, 2011, no. 1, pp. 115–125. (In Russian). EDN: SDYTGJ.
8. Joo H. Crime and Criminal Justice in South Korea: Editor's Introduction. *Asian Journal of Criminology*, 2015, vol. 10, pp. 1–6. DOI: 10.1007/S11417-015-9209-Y.
9. Gough D. Probation in the Republic of Korea: A Compressed Journey to Public Protection. *Probation Journal: The Journal of Community and Criminal Justice*, 2011, vol. 58, iss. 4, pp. 372–385.
10. Kim Min-Yi. *A Research of Work Mode in Connection with Considerable Changes in the System of Probation*. 2016.
11. Junhwi P., Kwanghyun R., Heekyun P., Sinae H. Community Resources in Korean Probation System. URL: https://www.kicj.re.kr/board.es?mid=a20201000000&bid=0029&tag=&act=view&list_no=12651.
12. Kim Hyuk. A Systemic Overview of the System of Probation. *Beobhag-yeongu = Law Study*, 2022, no. 32, pp. 41–75. (In Korean).
13. Pak Chon Il. Measures to Improve the Effectiveness of Probation as a Security Measure in the Society — an Accent on the Special Issues of Enforcing Probation. *Golyeobeobhag = Korean Law*, 2020, no. 96, pp. 213–255. (In Korean).
14. Ellis T., Lee J., Pamment N. South Korean Probation: Volunteering and Late Onset Crime Control? *Crime Prevention and Community Safety*, 2013, vol. 15 (4), pp. 292–305. DOI:10.1057/cpcs.2013.11.
15. Cho Y., Boo M. A Study on the Job Stress Levels of Probation Officers and Relevant Key Factors of the Job Stress in South Korea. *The Korean Association of Police Science Review*. 2022.
16. Lee S., McCrie R.D. Faith and Fortitude: 10-Year Assessment of Recidivism at a New Church-Based Prison in South Korea. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2023, vol. 67 (12), pp. 1163–1192.
17. Kim S.C.H., Kim K. *A History of Korean Christianity Sebastian*. Cambridge University Press, 2014. 361 p.

18. Ivanov A.M., Korchagin A.G. About Historical Features of Forming of Criminal Legal Consciousness in China, Korea, Japan. *Teologiya. Filosofiya. Pravo = Theology. Philosophy. Law*, 2022, no. 2, pp. 57–94. (In Russian). EDN: UXXVCX.
19. Nellis M. Electronic Monitoring and Probation Practice. *Probation: 12 Essential Questions*, 2016, pp. 217–243.
20. Han, Min Kyung. *The Effectiveness of Electronic Monitoring in Korea. (Schriftenreihe Des Max-Planck-Instituts Für Ausländisches Und Internationales Strafrecht K: Kriminologische Forschungsberichte)*. Berlin, Duncker; Humboldt, 2017. Vol. 174. 225 p.
21. Jin W., Aihua J., Yikun X. A Study of the Korean Criminal Hesitation System in the Perspective of Comparative Law. *SHS Web of Conferences. EDP Sciences*, 2023, vol. 178. pp. 02009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Реховский Александр Федорович — заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминологии Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

Филоненко Татьяна Викторовна — декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, советник юстиции, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: tanya.f-vlad@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Реховский А.Ф. Использование опыта Южной Кореи в становлении российской системы пробации / А.Ф. Реховский, Т.В. Филоненко. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).96-105. — EDN QQUBJC // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 1. — С. 96–105.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rekhovskiy, Alexander F. — Head, Department of Justice, Prosecutor's Supervision and Criminalistics, Far Eastern Federal University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

Filonenko, Tatiana V. — Dean, Faculty of Professional Development and Retaining, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Councilor of Justice, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: tanya.f-vlad@mail.ru.

FOR CITATION

Rekhovskiy A.F., Filonenko T.V. Using the Experience of South Korea in the Establishment of the Probation System in Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 96–105. (In Russian). EDN: QQUBJC. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(1).96-105.